

ПРОДУКТИВНЫЕ И СТАГНИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Рудницька С.Ю. Продуктивні і стагнуючі стратегії дискурсивного конструювання досвіду особистості.

Анотація. У статті представлено теоретичне узагальнення проблеми дискурсивного конструювання досвіду особистості в руслі психологічної герменевтики як інтеграції окремих різномірних «дискурсивних реальностей» індивіда в зв'язну цілісність шляхом мовленнєвих практик у процесі особистісного смислотворення (смисловідтворення).

Підкреслено, що основним видом дискурсивного конструювання досвіду постає конструювання нарративне, результатом якого є мультинарратив, розширований на окремі просторово-часові, події й емоційно-ціннісні складові. Обґрунтовано, що провідним механізмом нарративного конструювання особистісного досвіду є інтерпретація – механізм смислового збагачення текстового повідомлення, відкриття в ньому сенсу, відсутнього в початковому тексті (не закладеного в текст його автором).

Визначено, що продуктивний перебіг інтерпретаційних процесів особистості зумовлено взаємодією зовнішнього і внутрішнього контекстів. Показано, що наявність внутрішнього контексту як ціннісно-смислового фрейму сприйняття реальності та взаємодії з нею є необхідною передумовою породження інтерпретаційних процесів особистості. Достатньою умовою інтерпретації виступає зовнішній контекст.

Як стагнуючі стратегії дискурсивного конструювання досвіду виділено зовнішньоконтекстуальні і внутрішньоконтекстуальні домінанти, при яких текст суб'єкта жорстко фіксується щодо зовнішнього і внутрішнього контекстів.

Ключові слова: досвід, дискурс, дискурсивне конструювання досвіду, інтерпретація, зовнішній контекст, внутрішній контекст, стагнуючі стратегії дискурсивного конструювання досвіду особистості.

Rudnytska S.Y. Productive and stagnant strategies of discursive constructing of personality's experience.

Abstract. *The article presents a theoretical generalization of issue of discursive constructing of personality's experience in the mainstream of psychological hermeneutics as an integration of separate heterogeneous "discursive realities" of an individual into a coherent entirety by means of speech practices in a process of personal sense formation (sense reproduction).*

It is emphasized that narrative constructing is the main type of discursive constructing of experience, which result is a multi-narrative, stratified into separate spatio-temporal, event-related and emotional-semantic components. It is substantiated that the leading mechanism of narrative constructing of personality's experience is interpretation - the mechanism of semantic enrichment of a text message, discovery a meaning, which was absent in a source text (not imbedded in it by its author).

The article defined that productive course of personality's interpretative processes is conditioned by interaction of external and internal contexts. It is described that presence of internal context as a value-semantic frame of perception of reality and interaction with it is an essential prerequisite for generation of personality's interpretative processes. External context is a sufficient condition for interpretation.

The author singles out extra-contextual and intra-contextual dominants as stagnant strategies of discursive constructing of experience, in which a subject's text is rigidly fixed with regard to external and internal contexts.

Key words: *experience, discourse, discursive constructing of experience, interpretation, external context, internal context, stagnant strategies of discursive constructing of personality's experience.*

Постановка проблемы. «Дискурсивный поворот» как эксплицитная направленность вектора исследовательского внимания на социальную и языковую обусловленность различных личностных модусов в социально-гуманитарных штудиях привел к закономерному расширению предмета изучения личности в целом и оказал большое влияние на развитии принципиально нового направления психологической науки, получившего во второй половине 80-х годов XX века название «дискурсивной психологии» (Дж. Поттер, Д. Эдвардс), внутри которой сформировалось «совершенно новое

видение социальной психологии, способной помочь ей вырваться из стерильных лабораторий и традиционного ментализма» [24].

В ее предметной сфере наблюдается тенденция понимания всей совокупности субъективных отношений человека с миром как определенных «дискурсивно-нарративных реальностей». Одна из ключевых идей дискурсивной психологии заключается в том, что когнитивные и метакогнитивные процессы, результаты которых находят свое отображение в дискурсе, составляют ядро личности, ядро ее индивидуального опыта. В контексте этого подхода, различные личностные феномены рассматриваются не как лежащие за пределами языка, а как запечатленные, воплощенные и реализуемые в языке, неотделимом от самой личности, погруженной в социально-коммуникативный континуум (М. Бемберг, М. Биллиг, Ф. Магаддам, Дж. Поттер, М. Уэзерелл, А. де Фин, Р. Харре, Дж. Шоттер, Д. Эдвардс).

Согласно взглядов П. Ватцлавика, мир не открывается человеку объективно, он постигает реальность через опыт, а опыт находится под влиянием языка [5]. По мнению Дж. Фридман и Дж. Комбс, в языке конструируется собственное видение мира, и каждый раз, когда мы говорим, мы создаем собственную реальность [18].

В свою очередь, опыт личности здесь также рассматриваются с точки зрения самого языка – как система множественных интеракций, детерминируемая развертыванием всевозможных ситуационных дискурсов, которые в процессе своего взаимодействия (соприкосновения, пересечения, наложения, поглощения, объединения, вытеснения) отражают многочисленные социально-психологические интенции, потребности, мотивы, установки, намерения, ожидания, предвосхищения и пр.

Среди основных принципов дискурсивной психологии Дж. Поттер выделяет:

- принцип конструктивности (дискурс конструируется языком и сам конструирует социальный мир);
- принцип интенциональности (дискурс лежит в базе любого осознанного социального действия и воплощается в различных социальных практиках – исторически и культурно трансформируемых социальных действиях, смысл и суть которых, в свою очередь, запечатлевается в соответствующих дискурсах);

– принцип ситуативности (дискурсивные действия являются производными от институциональных, коммуникативных и риторических ситуаций) [25].

Идея конструктивности в дискурсивной психологии предусматривает, что дискурс одновременно является как результатом, так и инструментом конструирования социальной реальности, жизненного и личностного опыта человека, предполагает рассмотрение социальной реальности как символического поля, самоопределяющегося в процессе конструирования интерпретативных моделей социального целого.

Из основополагающих принципов постмодернизма – множественности, изменчивости, неопределенности – следует, что предметом конструирования опыта личности становится не сама действительность, а ее осколки, фрагменты, идеологические клише, лозунги, классические литературные и даже сакральные тексты, лишенные своего контекста и подлинного содержания. Рассматриваемый с такой позиции опыт личности представляет собой диссипативный, «рассеивающийся» дискурс, эксплицируемый одновременно во множестве различных интерпретаций.

Научный интерес к вопросам дискурсивного конструирования опыта в последнее десятилетие стремительно возрастает в контексте общей информационной насыщенности информационного общества. Актуальной проблемой психологических исследований, обусловленной общественными запросами на определение путей развития личности, направленной на саморазвитие, способной продуктивно действовать в изменчивых социокультурных условиях, является выделение и анализ ресурсов и ограничений процесса дискурсивного конструирования опыта, решение которой, в свою очередь, будет способствовать созданию эффективных технологий его конструирования в разных сферах социально-психологических практик.

Цель статьи: выделить и охарактеризовать продуктивные и стагнирующие стратегии дискурсивного конструирования опыта личности.

Результаты теоретического анализа проблемы. Согласно постнеклассическим воззрениям, в дискурсе объекты не репрезентируются в своей целостности, а процессуально осуществляются как их темпорально и семиотически артикулируемая актуализация. В оптике новой рациональности и о субъект-субъектных отношениях правомерно говорить в контексте процессуальности

дискурсивных практик, которые в рамках психологической модели рассматриваются как практики конституирования субъекта, конструирования его опыта. Так, с точки зрения Б. Ваассена, «человек является существом, которое целенаправленно конструирует действительность» [26].

В русле психологической герменевтики, составляющей методологическую базу нашего исследования, дискурсивное конструирование личностного опыта рассматривается как интеграция отдельных разнородных «дискурсивных реальностей» индивида в связную целостность путем речевых практик в процессе личностного смыслообразования (смысловоспроизведения).

Его можно трактовать как многомерный необратимый процесс формирования смысловой системы личности: формирования «смыслового порядка» из динамического хаоса, который, в свою очередь, мыслится как потенциальная сверхсложная упорядоченность, открытая неравновесная система. Обычно перестройку смысловой системы личности связывают с кризисными периодами ее развития: переживая экзистенциальный вакуум, личность оказывается в ситуации необходимости решения новых «задач на смысл». Рефлексируя собственную ограниченность, личность ориентируется на расширение контекстов осмысления мира: присвоение новых смыслов, конструирование моделей трансформации жизненного пути, обретение обновленной идентичности, «Себя как Другого».

Дискурсивное конструирование личностью собственного опыта предполагает приведение ею всех своих представлений, понятий, воззрений, принципов, концепций, интерпретационных моделей мира в единую систему, их упорядочивание, организацию в единую связанную структуру, помогающую постичь смысл событий и поступков своей собственной жизни и жизни других. Иными словами, дискурсивное конструирование опыта предполагает процесс его трансформации из личного опыта в личностный – освоенный, присвоенный, осмысленный, ассимилированный, проинтерпретированный, то есть выстроенный самой личностью.

Конструирование личностного опыта наделяет действительность статусом неразрывности и когерентности. В процессе дискурсивного конструирования субъект стремится оформить содержания своего опыта так, чтобы они могли быть им востребованы на следующих этапах жизненного пути.

В процессе дискурсивного конструирования опыта человек как субъект оказывается всегда больше самого себя как объекта, вследствие чего он постоянно обречен реинтерпретировать свой опыт, полностью никогда не исчерпываясь его интерпретациями. Так, с точки зрения Ф. Варела, человек живет в мире кажущихся бесконечных метаморфоз интерпретаций, сменяющих друг друга [27].

Именно это перманентное напряжение, признание неполноты конструируемого опыта посредством диалога (мнений, которые дополняются со-мнениями) и запрашивает новые рефлексии опыта, осмысления собственных намерений относительно способов его текстовой объективации (высказывания, нарратива, произведения [21]), провоцируя человека к саморазвитию.

В процессе исследования обозначенной проблемы, внимание ученых концентрируется не только на содержании автонарративов личности (рассказов, историй, повествований, тестовых самопрезентаций и пр.), а и на самой форме рефлексий субъекта, рассуждений об опыте, его осмыслений, на позиции, которую занимает рассказчик, трансформации этой позиции в процессе диалога с «Другим», психологических, лингвистических, социокультурных ресурсах, на основании которых личность выстраивает автонаррацию, на дискурсивных практиках, которые она использует.

Именно в контексте конструирования личностного опыта как процесса и результата интерпретаций жизненного мира индивида, целесообразно говорить о неотделимости содержания и дискурсивных форм запечатления опыта личности. Текстовые способы объективации опыта, благодаря которым человек предают ему личностное содержание, делают его понятным как для себя, так и для «Другого».

Основным видом дискурсивного конструирования опыта является конструирование нарративное, результатом которого становится мультинарратив, расслоенный на отдельные пространственно-временные, событийные и эмоционально-смысловые составляющие.

Ведущим механизмом нарративного конструирования личностного опыта выступает интерпретация – механизм смыслового обогащения текстового сообщения, открытия в нем смысла, отсутствующего в исходном тексте (не заложенного в текст его автором).

С точки зрения Н.В. Чепелевой, «интерпретация рассматривается как осмысление («набрасывание смысла на текст»),

приводящее к усмотрению в сообщении некоторого смысла, отсутствующего в исходном тексте. Она является механизмом смыслового обогащения текста, осуществляемого благодаря погружению в контекст – личностный, деятельностный, культурный» [20].

Конструирование опыта детерминруется процессами, «с помощью которых люди описывают, интерпретируют или каким-либо иным образом делают для себя понятным этот мир (включая их самих), где они живут» [10, 62].

Интерпретация представляет собой когнитивный процесс надления конкретным содержанием многомерных составляющих опыта личности, попытку соотнесения ее внутренней «карты мира» с внешней реальностью, стремление наделять значениями определенные понятия и явления; способ осуществления понимания, процесс обретения смысла различных жизнепроявлений (действий, поступков) личности, объективирование ее опыта в знаковой форме.

Таким образом, интерпретация может быть проартикулирована как процесс декодирования знака, выявление имплицитного смысла в эксплицитном содержании. В связи с этим У. Эко называет интерпретацию эвристическим средством прочтения оригинала [23].

«Интерпретация – это получение нового знания: интерпретировать некий семиотический элемент – значит «переводить» его в некий другой элемент (который, впрочем, может быть дискурсом во всей его полноте), благодаря такому переводу элемент, подлежащий интерпретации, творчески обогащается» [23, 274].

В этом контексте, Г. Ленк выделяет шесть уровней протекания интерпретационных процессов [13]. К первому из них автор относит активацию схем чувственного восприятия индивида.

На втором уровне происходит интерпретация фреймов, категоризация форм восприятия сходства представлений и переживаний индивида. Здесь начинают формироваться знания об окружающей человека действительности.

На третьем уровне наблюдается процесс интерпретации понятий, сформировавшихся в социокультурной традиции, порождение соглашений и норм репрезентации, форм различительной деятельности человека.

Четвертый уровень предполагает установление отношений между ранее сформировавшимися понятиями, предполагает знание способов их обобщений.

К пятому уровню Г. Ленк относит уровень формирования объяснительных и аргументируемых интерпретаций, их причин и оснований. На этом уровне происходит становление интерпретативных позиций личности, формирование ее собственного отношения к ним исходя из ее норм и ценностей.

Шестой уровень представляет собой уровень философских эпистемологических, методологических интерпретаций метатеоретического уровня, охватывающих стратегии построения и интерпретации концепций, теорий, методологий, а также и сами модели их интерпретации. Этот уровень является открытым для всех последующих уровней. Уровни интерпретации очевидным образом взаимодействуют между собой. Только при условии продуктивной интеграции всех предыдущих уровней возможно осуществить переход на новый, более высокий уровень интерпретации [13].

С точки зрения Г. Ленка, человек является метаинтерпретирующим существом, способным подниматься на все более высокие метауровни интерпретации (интерпретационные схемы). Схемы как интерпретационные конструкты, согласно взглядам автора, представляют собой «строительные блоки познания» и любого ментального представления или манипулирования информацией [13, 51].

Также важно подчеркнуть, что интерпретация – это всегда процесс нового осмысления языковых значений с помощью контекста, «процесс конкретизации, пополнение, а иногда большего или меньшего переосмысления семантических значений на базе лингвистического и ситуативного контекстов, а также заранее известной интерпретатору информации (преинформации)» [12, 84].

При этом в качестве структурных контекстов повседневного взаимодействия человека с миром здесь могут выступать сами нарративные фреймы. В современном научном дискурсе понятие «фрейм» чаще всего используется в двух значениях, которые, с определенной степенью условности, можно охарактеризовать как «психолого-социологический» и «кибернетико-лингвистический» подходы к изучению природы этого феномена.

Так, в базе психолого-социологической концепции фрейма лежит установка на анализ повседневных социальных взаимодействий как «контекстуального целого». Внутри этого подхода эксплицируется принципиально новое понимание контекста повседневности: в отличие от практико-ориентированных теорий, в которых контекст

интерпретируется как фон, в теории фреймов контекст, прежде всего, является формой. Как подчеркивает И. Гофман, «каким бы изменчивым ни было содержание кувшина, его ручка остается вполне осязаемой и неизменной» [7, 322].

При этом сама грань между фигурой и фоном является слабо различимой и не является составляющей ни фигуры, ни фона: «межсоединение», «тонкая линия» (Э. Зерубавель [28]), «окаймление» (У. Джемс [9]), «скобки» (И. Гофман [7]), «очертание» (Г. Бейтсон [4]). Г. Бейтсон предлагает яркую иллюстрацию этой метафорики в своем металоге:

«Дочь: Папа, почему вещи имеют очертания?

Отец: Разве? Я не знаю. Какого рода вещи ты имеешь в виду?

Д: Я имею в виду, почему, когда я рисую вещи, они имеют очертания?

О: Ну, а как насчет других вещей – стада овец? Или разговора? У них есть очертания?

Д: Не говори глупостей. Я не могу нарисовать разговор. Я имею в виду вещи.

О: Да, я просто пытался выяснить, что ты имеешь в виду. Ты имеешь в виду вопрос: «Почему мы придаем вещам очертания, когда мы их рисуем?» Или ты имеешь в виду, что вещи имеют очертания, независимо от того, рисуем мы их или нет.

Д: Я не знаю, папа. Скажи ты. Что я имею в виду?» [4].

Автор подчеркивает, что «первый шаг к определению психологического фрейма может состоять в высказывании, что он (фрейм) является классом или ограничивает класс (множество) сообщений (осмысленных действий)» [4]. Различные виды поведения образуют определенные типовые ситуации, которые он и называет термином «фрейм», дословно означающим «рамка». И, в свою очередь, любая социальная ситуация, в которой находится индивид, имеет типовые характеристики, определяющие способы, с помощью которых человек входит в эту ситуацию и участвует в ней.

С точки зрения Г. Бейтсона, психологические фреймы являются как эксклюзивными – при включении во фрейм определенных сообщений (осмысленных действий) некоторые другие сообщения исключаются, так и инклюзивными – при исключении определенных сообщений некоторые другие сообщения включаются. «Психологические фреймы связаны с тем, что мы назвали «предпосылками». Рама картины сообщает зрителю, что при

интерпретации картины он не должен использовать тот же тип мышления, который он мог бы использовать при интерпретации обоев вне рамы» [4].

Можно заключить, что Г. Бейтсон проблематизирует фрейм как метакоммуникативное образование. «Любое сообщение, эксплицитно или имплицитно устанавливающее фрейм, в силу самого этого факта дает инструкции получателю либо способствует его усилиям понять сообщения, заключенные во фрейм. (...) Каждое метакоммуникативное или металингвистическое сообщение эксплицитно или имплицитно определяет множество сообщений, которых оно касается; т. е. каждое метакоммуникативное сообщение является психологическим фреймом или определяет таковой» [4].

В свою очередь, И. Гофман в своих исследованиях переносит фокус внимания с потоков взаимодействия на контексты, формирующие эти потоки. «Определения ситуации основываются на принципах организации событий (...) и нашей собственной субъективной вовлеченности в них; термин «фрейм» я использую для указания на эти основные, подлежащие идентификации элементы» [7, 10].

При этом И. Гофман обращает внимание на неосознаваемость природы фреймов. Согласно взглядам автора, фрейм представляет собой конституируемую целостность (прежде всего, практик, но, вместе с тем, – и смыслов), которыми человек наполняет свои вербальные и не вербальные действия, а также действия других в типичных, повторяющихся ситуациях в социальных контекстах [7].

Таким образом, гофмановский фрейм представляет собой способность «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля [8], вид процедурного знания («знание как»), определенную последовательность действий, описывающих какой-либо «креативный» аспект предмета или его функциональный аспект; это «определенная перспектива восприятия, создающая формальное определение ситуации» [1, 42–43]. Можно заключить, что фрейм в понимании И. Гофмана представляет собой одновременно и «матрицу возможных событий», и «контекстуальную схему интерпретации» опыта личности.

Здесь уместно привести высказывание Х.Л. Хикса: «я есть то, что я есть, благодаря контексту, в котором нахожусь» [16]. В процессуальности дискурса (нарратива) феномен «Я» теряет свою определенность, становится всецело обусловленным тем, что М. Фуко

называет «порядком дискурса» [19]. Согласно Ю.М. Лотману, «сама природа смысла определяется из контекста, то есть в результате обращения к более широкому, вне его лежащему пространству» [14, 39]. Все личностные феномены приобретают смысл, лишь соотносясь с контекстом. Именно контекст задает оптику видения, при изменении которой содержание опыта для человека может принципиально менять свое значение.

Определение контекста как системы внешних и внутренних условий и факторов жизнедеятельности человека, влияющих на специфику его восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации, определяющих смысл и значение этой ситуации как целого и ее отдельных составляющих, было предложено А.А. Вербицким [6]. Автор ввел в психологический дискурс понятия «внутренний» и «внешний» контексты, определяя первый – как систему уникальных для каждого человека психофизиологических, психологических и личностных особенностей и состояний, его установок, отношений, знаний и опыта; второй – как совокупность предметных, социальных, социокультурных, пространственно-временных и иных характеристик ситуации действий и поступков индивида [6].

Опираясь на взгляды А.А. Вербицкого, под внешним контекстом мы будем понимать систему внешних факторов окружающей действительности прямого и косвенного воздействия, множественных условий как эксплицитного, так и имплицитного влияния на индивида, социокультурных, природных, человеческих факторов, различных ситуаций повседневности и их отдельных элементов.

Внутренний контекст мы предлагаем артикулировать как смысловую рамку, которую человек применяет для интерпретации опыта: явлений, фактов, событий, происходящих или могущих произойти с ним и/или другими. С одной стороны, внутренний контекст неизбежно является ограничителем опыта: человек видит мир через его призму, через определенную оптику тех или иных смыслов. С другой стороны, наличие внутреннего контекста является ключевым условием того, чтобы диалог человека с миром в принципе стал возможным. Набрасывая собственные смысловые фреймы на окружающую действительность, индивид приобретает возможность ее интерпретировать и реинтерпретировать – придавать миру смысловое измерение, осуществлять ценностно-смысловую детерминацию своей жизни в «эпоху неизвлеченного смысла» (Ф.И. Гиренок).

«Человек осуществляет самоопределение по отношению к миру и постигает неотъемлемую силу одухотворенного мира. Мир становится небезразличным по отношению к человеку, он приобретает личностный смысл и предстает как предмет интереса, в котором осуществляется самоидентификация личности» [22, 53].

С нашей точки зрения, наличие внутреннего контекста как ценностно-смыслового фрейма восприятия реальности и взаимодействия с ней является необходимой предпосылкой порождения интерпретационных процессов личности. Достаточным же условием здесь выступает внешний контекст, игнорирование которого (нивелирование, полное или частичное обесценивание и т.д.) препятствует продуктивному протеканию процесса интерпретации.

Таким образом, интерпретационные процессы личности как механизмы сопряжения внешнего и внутреннего контекстов разворачиваются в напряженном пространстве их динамического взаимодействия, образуя процессуально-функциональный континуум, интегрирующий все интеллектуальные (когнитивные и метакогнитивные) процессы личности с целью установления соответствий одного локального фрагмента опыта с другими, порождая тем самым личностные значения и смыслы. Ведущую роль здесь играют метакогниции [17], обеспечивающие регуляцию процессуальных и результативных аспектов интерпретационной активности человека.

Так, благодаря метакогнициям осуществляется регуляция процессуальных и результативных аспектов интерпретационной активности субъекта.

Согласно концепции М.Л. Смутьсон, ведущими метакогнитивными процессами являются:

- интеллектуальная инициация – способность личности к самостоятельной постановке задач;
- стратегичность – адекватность всех выборов в процессе анализа и решения проблемы;
- рефлексия как основа развития и изменения ментальной модели мира;
- децентрация как способность личности посмотреть на проблему с точки зрения Другого [17].

В контексте конструирования опыта, метакогниции играют важную роль в процессах саморегуляции и самодетерминации личности.

В случае продуктивности протекания интерпретационных процессов происходит ценностно-смысловая интеграция опыта личности: контекстуальная инаковость становится главным порождающим ресурсом формирования качественно нового личностного текста. Различные контекстные опыты, находясь между собой в конфронтационных отношениях, создают зону развития, в которой повторяющийся паттерн, оставаясь самим собой, трансформируется и становится другим. Здесь, с одной стороны, актуальный нарратив является продолжением предыдущего, а с другой, – в процессе интерпретации и реинтерпретации, осмысления и переосмысления опыта он становится его отрицанием.

Опираясь на синергетические концепции, можно заключить, что порождаемый здесь интерпретационный нарратив сам становится динамической средой, в которой новые смыслы, продуцирующиеся в нем, зарождаются в моменты «неравновесного состояния», когда диалогическое взаимодействие внешних и внутренних контекстов приводит к «рождению сложного», амплификации, контекстуальному расширению.

В результате столкновения контекстов и формируется дискурсивная (нарративная) общность, однородность различных, отстоящих друг от друга, как во времени, так и событийно (ситуативно) нарративов, что способствует выстраиванию субъектом собственной идентичности в процессе конструированию личностного опыта. Основными характеристиками личностного опыта выступают рефлексивность, структурированность, континуальность, когерентность.

Благодаря когерентности личностного опыта его компоненты формируют смысловую непрерывность, когнитивную связанность и концептуальное единство. Основной единицей личностного опыта выступает смысл, а способом его организации является тезаурус (Вал.А. Луков, Вл.А. Луков), внутри которого происходит ценностно-смысловая интеграция опыта. Среди основных составляющих дискурсивного конструирования опыта личностью можно выделить:

- построение отношений между тематическими ядрами;
- построение связей с контекстами;
- построение новых контекстов;
- построение межконтекстуальных связей.

Иными словами, продуктивность конструирования опыта личности зависит от того, насколько она владеет интерпретационными

ресурсами, способна обеспечивать «рамки понятности» (Е.С. Жорняк), связывающие и согласовывающие события ее жизни; насколько способна устанавливать смысловые связи между конкретными событиями («тематическими ядрами», «ядрами тематических полей») и различными жизненными контекстами (жизнями «Других»), а также протраивать межконтекстуальные связи.

В процессе дискурсивного конструирования опыта личность может стать автором, от которого «требуют, чтобы он отдавал себе отчет в единстве текста, который подписан его именем» [19, 62]. Так, с точки зрения М. Фуко, автор – это то, что «лишающему покоя языку вымысла дает формы его единства, узлы связности, прикрепление к реальности» [19, 62–63].

Процесс конструирования опыта неразрывно связан с выбором личностью самой себя в единстве с конструируемой ею же самой реальностью. Преодолевая линейность автонаррации, консерватизм интерпретационных рамок, «чужие» стратегии жизнеосуществлений, личность порождает новые «тематические смысловые ядра», смысловые контексты и связи между ними.

Таким образом, порождаемый личностью нарратив, укорененный в конкретной дискурсивной ситуации, представляет собой не только результат, но и, что очень важно, саму модель для последующего конструирования опыта личностью, нарративные границы которого предопределяются спецификой взаимодействия внутренних и внешних контекстов субъекта. В ситуации продуктивности интерпретационных процессов человек одновременно «удерживает» оба контекста, чем обуславливает возможность дискурсивного конструирования своего опыта.

При этом смысловая позиция личности по отношению к этому опыту может быть охарактеризована как «Я и Другой в Мире», как позиция «внеаходимости». Так, согласно взглядам М.М. Бахтина, подлинно авторская позиция возможна только как позиция «внеаходимости» [2; 3].

«С психологической точки зрения, суть позиции «внеаходимости» заключается в смене внутренне-непосредственной онтологической позиции субъекта (в определенном смысле ее можно было бы назвать позицией «внутриаходимости») на внешне-опосредованную онтологическую позицию. Более того, переход от позиции «внутриаходимости» к позиции «внеаходимости» в определенном смысле представляет собой также переход от

интраиндивидуального образа «себя как мира» – к интериндивидуальному образу «себя и других в мире», что в научно-дисциплинарном плане сопряжено со сменой интроспективно-психологического мироотношения на этико-онтологическое и эстетико-культурное мироотношение» [11].

Важно отметить, что позиция «внеаходимости» не является позицией стороннего наблюдения, а, напротив, такая позиция представляет собой наиболее полный и глубокий способ причастного отношения, «участного мышления», «внеаходимость» понимается М.М. Бахтиным как «напряженная и любящая» [3]. «Продуктивность события заключается не в слиянности всех воедино, но в напряжении своей внеаходимости и неслиянности» [3, 79]. Таким образом, «внеаходимость» предстает как напряженная диалогическая (полилогическая) интенциональность. Дорога к Другому становится Путем обретения Себя.

С точки зрения М.М. Бахтина, в позиции напряженной внеаходимости, обладая «избытком видения и знания», автор в состоянии «завершить» Себя, свое жизненное произведение. В этом контексте, «завершить» означает «собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить *до целого* теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны» [3, 19].

Формой текстовой объективации личностного опыта является мультинарратив, который представляет собой реально-виртуальную превращенную форму Другости (Инаковости) Других как соавторов. Жизненное произведение, по своей сути, является диалогически-полифоническим, а среди его основных характеристик (согласно М.М. Бахтину [2]) целесообразно выделить его принципиальную открытость, открытость возможностям его конфигурирования, творческим ресурсам, смысловым трансформациям, открытость будущему, открытость Миру Других.

Важно подчеркнуть, что продуктивное конструирование опыта личности является факультативной составляющей ее развития и предполагает актуализацию ее интегративных ресурсов, направленных на:

– продуктивное переосмысление, реструктурирование, трансформацию опыта личности в соответствии с актуальными целями и задачами;

– генерирование новых форм жизнеосуществления личности, за счет использования ресурсов, порождаемых многоуровневой динамикой смысловой системы личности;

– обеспечение саморазвития как стратегического фактора жизнеосуществления.

В свою очередь, ситуация непродуктивности процессов конструирования опыта обусловлена нарушением взаимодействия внутреннего и внешнего контекстов: «застреванием», «залипанием», жесткой фиксацией текста личности относительно одного из них. В силу такой ригидности смысл и значение текста как фигуры в поле становятся также неподвижными, что соответствует потере способности к творческой поисковой активности субъекта. Его личностные выборы оказываются заблокированными. Человек как бы действует «по сценарию», который может быть имплицитным, неосознаваемым, воображаемым и пр. Процесс интерпретации блокируется. Конструирование опыта становится невозможным.

Детальней проанализируем условно выделенные нами две ситуации стагнации процесса дискурсивного конструирования опыта, обусловленные нарушением взаимодействия между внешним и внутренним контекстами.

1. «Внешнеконтекстуальная доминанта». В этом случае текст личности фиксируется относительно внешнего контекста. При этом внутренний контекст субъекта по каким-либо причинам для субъекта оказывается «не доступным». Его отсутствие обессточивает интерпретационные процессы человека. Такую ситуацию можно обозначить как ситуацию с «нулевой интерпретацией» (Н.В. Чепелева). Вследствие чего конструирование опыта личностью не происходит.

Характерным примером здесь может служить тенденция приобретения человеком товаров, рекламируемых в СМИ.

В случае несформированности (недоступности) внутреннего контекста индивида, его опыт не ассимилируется, не присваивается, не становится личностным. Он задается рядом конкретных жизненных ситуаций, определенными образами поведения в них, спецификой взаимодействия с другими людьми и пр. По определению, Н.В. Чепелевой, такой опыт является личным [20]. Среди его основных характеристик можно выделить: диффузность, неотрефлексивность, фрагментарность (разорванность, мозаичность). Основной единицей личного опыта выступает ситуация, а способами его организации

являются практики, внутри которых происходит его тематическая и пространственно-временная организация.

2. «Внутриконтекстуальная доминанта». Во втором случае текст личности фиксируется относительно внутреннего контекста. Внешний контекст при этом по какой-либо причине «утрачен» (вне зоны доступа) для личности: обесценен, нивелирован, проигнорирован, не обнаружен. В его отсутствии внутренний контекст будет характеризоваться крайней ригидностью, в результате чего текст личности дезорганизуется, приобретает несвязный расщепленный характер. При этом контекст остается неизменным, а текст служит лишь его подтверждением.

Это ситуация, при которой внутренний контекст как необходимое условие порождения интерпретационных процессов личности является недостаточным для их продуктивного протекания. Такой процесс является «квазиинтерпретацией» (Н.В. Чепелева). Яркой иллюстрацией здесь может послужить первая часть «Притчи про топор».

У одного человека пропал топор. Он вышел во двор за топором, все обыскал и не нашел его. А за воротами стоял сын соседа, он стоял как человек, укравший топор. Он ходил как человек, укравший топор, смотрел, как человек, укравший топор и даже говорил, как человек, укравший топор.

Тут человек, у которого украли топор, споткнулся и увидел, что споткнулся о свой топор. Он его не заметил раньше. Подняв топор, он посмотрел на соседского сына... Тот стоял как человек, который никогда не брал топора, он смотрел как человек, который не может украсть топор...

Таким образом, внутренний контекст, в своем отрыве от внешнего, в силу своей плотности и жесткости, а как следствие, и токсичности просто выдавливает, вытесняет собой живую реальность.

В обоих вышеизложенных вариантах доминирования одного из контекстов конфигурация «контекст – текст» приобретает замкнутый контур, препятствующий протеканию интерпретационных процессов личности, и, как следствие, конструированию ее опыта.

Выводы. В русле психолого-герменевтического подхода дискурс (нарратив) может быть проблематизирован как динамический образ вербального конституирования личности, всеобъемлющий процессуально осуществляемый актуальный репрезентант ее опыта. Именно в процессуальности дискурса личностные феномены (тексты

личности) приобретают смысл, лишь соотносясь с контекстом, при изменении которого содержание опыта может принципиально менять свое значение для человека.

Различные конфигурации соотношений внутреннего и внешнего контекстов могут способствовать как блокированию, так и активизации интерпретационных процессов личности, что, в свою очередь, обуславливает формирование у нее продуктивной или стагнирующей стратегии дискурсивного конструирования опыта.

В качестве стагнирующих стратегий дискурсивного конструирования опыта выделены внешнеконтекстуальная и внутриконтэкстуальные доминанты, при которых текст субъекта жестко фиксируется, соответственно, относительно внешнего и внутреннего контекстов.

В случае продуктивности интерпретационных процессов человек одновременно «удерживает» оба контекста, что порождает возможность его диалога с Миром и с Собой.

Литература

1. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана. *Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Москва : Ин-т социологии РАН, 2003. С. 7–58.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 320 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
4. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии 1969-1972/ Пер. с англ. Москва : Смысл, 2000. 476 с. URL : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000902/st000.shtml> (дата звернения : 12.10.2020).
5. Ватцлавик П. Конструктивизм и психотерапия. *Вопросы психологии*. 2002. №5. С. 101–113.
6. Вербицкий А.А. Человек в контексте речи : формы и методы активного обучения. Москва : Знание, 1990. 64 с.
7. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. Москва : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. Москва : Канон-Пресс-Ц, Кучково

- поле, 2000. 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
9. Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. / Пер. с англ. Под ред. А. Ф. Грязнова. Москва : Республика, 2000. 315 с. (Серия : «Философская пропедевтика»).
10. Джерджен Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии. *Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия*. Москва : ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.
11. Дьяконов Г. В. Диалогийная концепция эстетики и литературоведения М.М. Бахтина. URL: <http://hpsy.ru/public/x3070.htm>(дата звернення : 16.10.2020).
12. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. Москва : Академия, 2003. 192 с.
13. Ленк Г. К методологической интеграции наук с интерпретационистской точки зрения. *Вопросы философии*. 2004. № 3. С. 50–55.
14. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
15. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
16. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
17. Смульсон М. Л. Психологія розвитку інтелекту: монографія. Київ : Нора-Друк, 2003. 298 с.
18. Фридман Дж. Конструирование иных реальностей: история и рассказы как терапия. Москва : Класс, 2001. 362 с.
19. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Москва : Магистериум, 1996. 446 с.
20. Чепелева Н. В. Розуміння – Інтерпретація – Тлумачення. *Технології розвитку інтелекту*. 2017. Т. 2. Вип. 6 (17). URL : http://psytir.org.ua/index.php/technology_intellect_develop/article/view/301 (дата звернення : 10.10.2020).
21. Чепелева Н. В., Рудницька С. Ю. Психологічна характеристика особистості, здатної до самопроекування. *Педагогіка і психологія*. 2018. № 1. С. 71–77.
22. Швалб Ю. М. Психологические модели целеполагания. Киев : СТИЛОС, 1997. 236 с.

23. ЭкоУ. Сказать почти тоже самое. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. 574 с.
24. Antaki Ch., Leudar I. Recruiting the record : using opponents exact words in parliamentary argumentation. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 21 (4). P.467–488. doi:10.1515/text.2001.008. S2CID 145464218 (датазвернення : 12.10.2020).
25. Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London : Sage, 1987. 256 p.
26. Vaassen B. Die narrative Gestalt(ung) der Wirklichkeit. *Grundlinien einer postmodern orientierten Epistemologie der Sozialwissenschaften*. Braunschweig/Wiesbaden : Vieweg, 1996. S. 63–69.
27. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. *Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge. Mass. London: The MIT Press, 1991. P. 75–76.
28. Zerubavel E. The Fine Line : Boundaries and Distinctions in Everyday Life. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 224 p.

References

1. Batygin, G.S. (2003). Kontinuum freymov : sotsiologicheskaya teoriya Irvinga Gofmana [Continuum of frames: Irving Hoffman's sociological theory]. In Goffman, I. *Analiz freymov : esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. [Frame Analysis: An Essay on Organizing Everyday Experience]. Moscow: Institute of Sociology RAS. [in Russian]
2. Bakhtin, M.M (1979). Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Soviet Russia, 1979. [in Russian]
3. Bakhtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity] /S.G. Bocharov (comp.). Moscow: Iskusstvo. [in Russian]
4. Bateson, G. (2000). Ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry, epistemology 1969–1972. Moscow: Smysl. Retrieved from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000902/st000.shtml> [in Russian]
5. Vaclavik, P. (2002). Konstruktivizm i psikhoterapiya [Constructivism and psychotherapy]. *Voprosy psichologii = Questions of Psychology*. 5. 101–113. [in Russian]
6. Verbitsky, A. A. (1990). Chelovek v kontekste rechi : formy i metody aktivnogo obucheniya [Man in the context of speech: forms and methods of active learning]. Moscow: Znaniye. [in Russian]

7. Goffman, I. (2003). Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta [Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience] (G. S. Batygin & L. A. Kozlova, Eds.; entry article by G. S. Batygin; R. Bumagina, Y. Danilova, A. Kovalev, O. Oberemko tran. from English). Moscow: Institute of Sociology RAS. [in Russian]
8. Goffman, I. (2000). Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Presenting yourself to others in everyday life] (Tran. from English. and entered article by A. D. Kovalev ; Publications of the Center for Fundamental Sociology). Moscow: Canon-Press-Ts, Kuchkovo Pole, 2000. [in Russian]
9. James, W. (2000). [Vvedeniye v filosofiyu] Introduction to Philosophy; Russell B. Problemy filosofii [Problems of Philosophy] (A.F. Gryaznova, Ed./tran.). Moscow: Respublika. [in Russian]
10. Gergen, J. (1995). The movement of social constructionism in modern psychology. In *Social psychology: self-reflection of marginality. Reader* (pp. 51–73). Moscow: INION RAN. [in Russian]
11. Dyakonov, G.V. (2006). Dialogiynaya kontseptsiya estetiki i literaturovedeniya M. M. Bakhtina [Dialogue concept of aesthetics and literary criticism M.M. Bakhtin]. Retrieved from: <http://hpsy.ru/public/x3070.htm> [in Russian]
12. Latyshev, L.K., & Semenov, A.L. (2003). Perevod : teoriya, praktika i metodika prepodavaniya [Translation: theory, practice and teaching methods]. Moscow: Akademiya. [in Russian]
13. Lenk, G. K. (2004). metodologicheskoy integratsii nauk s interpretatsionistskoy tochki zreniya [To the methodological integration of sciences from an interpretationist point of view]. *Vopr. Filos.=Problems of Philosophy*.3. 50–55. [in Russian]
14. Lotman, Yu.M. (2000). Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Art-SPB. [in Russian]
15. Maturana, U., & Varela F. (2001). Drevo poznaniya : Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya [The tree of knowledge: Biological roots of human understanding] / Tranr. from English. Yu. A. Danilov. Moscow: Progress-Tradition. [in Russian]
16. Gritsanov A.A. (Ed.) (2007). The latest philosophical dictionary. Postmodernism. Minsk: Sovremennyy literator. [in Russian]
17. Smulson, M.L. (2003). Psykholohiya rozvytku intelektu : monohrafiya [Psychology of intelligence: a monograph]. Kyiv: Nora-Druk. [in Ukraine]

18. Friedman, J. (2001). Konstruirovaniye inykh real'nostey: istoriya i rasskazy kak terapiya [The construction of other realities: history and stories as therapy]. Moscow: Class. [in Russian]
19. Foucault, M. (1996). Volya k istine : po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow: Magisterium. [in Russian]
20. Chepeleva, N.V. (2017). Rozuminnyya – Interpretatsiya – Tlumachennyya. [Understanding – Interpretation – Interpretation]. *Intelligence development technologies = Technologies of intellect development*. Vol. 2. 6 (17). Retrieved from: http://psytir.org.ua/index.php/technology_intellect_develop/article/view/301. [in Ukraine]
21. Chepeleva, N.V., & Rudnitskaya, S. Yu. (2018). Psykholohichna kharakterystyka osobystosti, zdatnoyi do samoproektuvannya [Psychological characteristics of a person capable of self-design]. *Pedagogy and psychology*. 1. 71–77. [in Ukraine]
22. Schwalb, Yu. M. (1997). Psikhologicheskkiye modeli tselepolaganiya [Psychological models of goal setting]. Kyiv: Stylos. [in Russian]
23. Eco, W. (2006). Skazat' pochti to zhe samoye [Say almost the same thing]. St. Petersburg: Symposium. [in Russian]
24. Antaki Ch., & Leudar, I. (2001). Recruiting the record : using opponents exact words in parliamentary argumentation. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 21 (4). 467–488. doi:10.1515/text.2001.008.S2CID 14546421825.
25. Potter, J., & Wetherell, M. (1987). Discourse and social psychology : Beyond attitudes and behaviour. London : Sage.
26. Vaassen, B. (1996). Die narrative Gestalt(ung) der Wirklichkeit. In *Grundlinien einer postmodern orientierten Epistemologie der Sozialwissenschaften* (pp.63–69). Braunschweig/Wiesbaden : Vieweg.
27. Varela, F.J., Thompson, E., & Rosch, E. (1991). The Embodied Mind. In *Cognitive Science and Human Experience* (pp.75–76). London: The MIT Press. Cambridge. Mass.
28. Zerubavel, E. (1993). The Fine Line : Boundaries and Distinctions in Everyday Life. Chicago : University of Chicago Press.